УДК 347.918 https://www.npzhdialog.ru/17-2026

Проблемы исполнения решений третейских судов в условиях перехода к информационному обществу

Воронцова Ирина Викторовна,
профессор кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия, доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье исследуются правовые и практические аспекты исполнения решений третейских судов в контексте договорной природы третейского разбирательства. Автор анализирует позитивные факторы, такие как оперативность, гибкость и экономическая выгода добровольного исполнения, а также проблемы, связанные с несовершенством нормативного регулирования и сомнениями в беспристрастности арбитров. Особое внимание уделяется двум ключевым критериям исполнения, закрепленным в ст. 38 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», — добровольности исполнения и юридической исполнимости арбитражного решения, а также процедуре принудительного исполнения посредством выдачи государственным судом исполнительного листа. На основе анализа судебной практики и положений законодательства обосновывается вывод о том, что реформа третейского законодательства позволила устранить часть системных недостатков, однако окончательное устранение проблем, связанных с исполнением решений третейских судов, требует дальнейшего совершенствования правоприменительных механизмов и повышения доверия к институту третейского разбирательства.

Ключевые слова: третейский суд, арбитраж, исполнение решений, принудительное исполнение, добровольность исполнения, арбитрабельность, реформа третейского разбирательства.

С учетом договорного характера третейского разбирательства исполнимость решений, постановленных третейскими судами, характеризуется как позитивными, так и негативными аспектами. Перспективы создания эффективно работающего механизма внесудебного урегулирования экономических и иных споров обсуждались еще до реформы третейского разбирательства; при этом обращалось внимание на то обстоятельство, что конфликт между сторонами может и не носить «спорный» характер, т. е. не связываться с фактическим непризнанием исковых требований [1, с. 144–149]. Например, если предметом иска является взыскание задолженности по оплате аренды, поставленных товаров, выполненных работ, речь идет, скорее, о создании более благоприятной возможности ее погашения, и принудительное исполнение судебного акта о взыскании денежных средств не выступает единственно возможным способом урегулирования конфликта. В приведенных примерах именно договорный элемент может быть эффективным средством для того, чтобы исключить дальнейшую конфликтную ситуацию.

Позитивными аспектами, бесспорно, выступают оперативность принятия решения и возможность достижения сторонами соглашения о его добровольном исполнении [2, с. 112–127]. Например, если ответчик заинтересован в установлении рассрочки по оплате взыскиваемой суммы, перспектива достижения такого соглашения при наличии в договоре третейской оговорки существенно выше, чем в ситуациях, когда спор рассматривается в государственном суде. При этом вынесение последним решения, впоследствии обращаемого к принудительному исполнению, не является гарантией действительного материального удовлетворения требований истца, поскольку ответчик может использовать приемы сокрытия имущества, на которое обращается взыскание, иным образом препятствовать исполнению судебного акта. При наличии договоренности между сторонами процедура исполнения решения, постановленного в результате третейского разбирательства, оказывается более простой, а с точки зрения затрат — экономически выгодной как для ответчика, так и для истца.

В свою очередь, негативные аспекты исполнения решений третейских судов изначально связываются исследователями с мозаичностью, дублированием и противоречиями в правовом регулировании этого вопроса в значительном массиве нормативных правовых актов [3, с. 274–279]. Кроме того, сомнению подвергаются независимость и беспристрастность третейских судов [4, с. 191–204]. Отчасти эти проблемы были устранены в период реформы третейских судов в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», однако на фоне существенного сокращения количества третейских учреждений до настоящего времени они не решены в полном объеме.

В ст. 38 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» установлены два критерия, оптимизирующих исполнение решения, постановленного третейским судом. Первый из них — добровольность, причем он применим к обеим сторонам; иными словами, в период исполнения решения возможно достижение компромисса, относящегося к срокам и иным параметрам, определенным в решении третейского суда. Второй критерий — юридическая исполнимость, в силу которой решение не должно противоречить законодательству РФ и основам публичного правопорядка, а также содержать условия, которые заведомо не могут быть реализованы. При этом обеспечить юридическую исполнимость должны как стороны, так и третейский суд, что означает, соответственно, двойную оценку законности как выдвинутых требований, так и способов их исполнения.

Юридическая исполнимость решения третейского суда гарантирует реальную защиту нарушенного права, поскольку в противном случае достичь этой цели невозможно. При этом добровольность исполнения взаимосвязана с возможностью его принудительного исполнения, которое выступает, скорее, не альтернативой, а правовым последствием отказа стороны от совершения действий, обязанность по совершению которых возложена на нее решением третейского суда. Момент реального исполнения решения третейского суда полностью или частично знаменует собой завершение разбирательства. В то же время процедура добровольного исполнения решения третейского суда не контролируется ни им самим, ни государственным судом, т. е. не имеет правовых гарантий. Именно поэтому законодатель предусмотрел возможность принудительного исполнения решения третейского суда. Необходимо отметить, что эта процедура прямо не связана с пересмотром дела по существу, что упрощает ее реализацию и сокращает время, необходимое для фактического исполнения решения.

В силу ст. 41 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» свойствами решения третейского суда являются его обязательность и немедленное исполнение. Обязательность решения третейского суда подразумевает его эквивалентность судебному акту, постановленному государственным судом. Немедленное исполнение решения третейского суда презюмируется (в отличие от решений, вынесенных арбитражными судами или судами общей юрисдикции, которые могут быть обращены к немедленному исполнению только в случаях, специально предусмотренных законом). При этом отсрочка исполнения решения может быть предусмотрена правилами арбитража, арбитражным соглашением или непосредственно самим решением, если сторонами достигнуто соответствующее соглашение.

Правила оспаривания решений третейских судов закреплены в гл. 46 ГПК РФ и § 1 гл. 30 АПК РФ, что является дополнительной гарантией, снижающей риск исполнения незаконного третейского акта, а также, на наш взгляд, минимизирует проблему рассмотрения споров «карманными» третейскими судами, в которых «слабый» контрагент оказывается уязвимым [5, с. 34–44]. Инициатором принудительного исполнения решения третейского суда выступает сторона, в пользу которой оно принято. По ее заявлению районный суд (а по спору, возникшему из гражданского правоотношения при осуществлении предпринимательской или иной экономической деятельности, — арбитражный суд субъекта РФ) выносит определение о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Оценивая обоснованность заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, суды общей юрисдикции и арбитражные суды оценивают совокупность следующих обстоятельств.

Во-первых, арбитрабельность спора. В частности, не являются арбитрабельными споры, возникающие из публичных правоотношений. Во-вторых, наличие волеизъявления сторон на рассмотрение споров между ними третейским судом. В-третьих, правомерность применения норм иностранного права, если решение вынесено третейским судом за пределами РФ. При этом арбитражный суд или суд общей юрисдикции не вправе пересматривать такое решение по существу, однако должен оценить его соответствие российскому публичному порядку, если оно оспаривается стороной, против которой вынесено.

При решении вопроса о возможности принудительного исполнения решения третейского суда государственные суды учитывают, представлены ли второй стороной доказательства, препятствующие его исполнению или позволяющие установить отсутствие компетенции третейского суда на рассмотрение спора. В случаях, когда такие доказательства не представлены, препятствия для принудительного исполнения отсутствуют. Фактически такая ситуация может свидетельствовать о злоупотреблении процессуальными правами и намеренном затягивании исполнения решения. В ряде случаев ответчик не оспаривает решение третейского суда, но не совершает никаких действий по его исполнению, поэтому вопрос о выдаче исполнительного листа также решается в пользу истца. Например, третейским судом была взыскана задолженность по договору займа, которую ответчики не оспорили. В дальнейшем они не предприняли мер, направленных на ее погашение, и истец обратился в суд общей юрисдикции. Удовлетворяя заявление истца, суд указал, что спор мог быть предметом третейского разбирательства, а решение третейского суда ответчиками не обжаловалось [6].

Примечания

1. Сахапов Ю. З. Альтернативные способы разрешения споров и судебно-арбитражная практика их применения // Вестник экономики, права и социологии. 2011. N 2.

2. Семилютина Н. Г. Корпоративные споры и развитие альтернативных механизмов разрешения споров // Журнал российского права. 2015. N 2.

3. Силина Е. В. Перспективы развития альтернативных форм разрешения споров // Ленинградский юридический журнал. 2017. N 2.

4. Степкин С. П., Губарева А. В. Государственное управление в сфере третейского разбирательства: проблемы реформы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. N 3.

5. Савченко М. С., Грибанова А. С. Проблемы института третейского разбирательства в условиях реформирования законодательства о третейских судах // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. N 107.

6. URL: https://ats.msk.ru/eng/court_practice/ (дата обращения: 03.09.2026).

English version

Problems of enforcing arbitral awards in the transition to an information society

Vorontsova Irina Viktorovna, professor of the department of civil and commercial court proceedings, Crimean Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, professor of the department of civil procedure, Saratov State Law Academy, doctor of sciences (law), professor

This article examines the legal and practical aspects of enforcing arbitral awards in the context of the contractual nature of arbitration. The author analyzes positive factors such as the promptness, flexibility, and economic benefits of voluntary compliance, as well as problems associated with shortcomings in legal regulation and concerns regarding the impartiality of arbitrators. Particular attention is paid to two key criteria for enforcement established by Russian arbitration legislation — voluntary compliance and the legal enforceability of an arbitral award — as well as to the procedure for compulsory enforcement through the issuance of a writ of execution by a state court. Based on an analysis of judicial practice and legislative provisions, the article concludes that the reform of arbitration legislation has eliminated some systemic shortcomings; however, fully resolving the problems associated with the enforcement of arbitral awards requires further improvement of enforcement mechanisms and greater confidence in the institution of arbitration.

Keywords: arbitral tribunal, arbitration, enforcement of awards, compulsory enforcement, voluntary compliance, arbitrability, arbitration reform.